

Старый склад в Ночном районе возвышался, словно гигантская выпотрошенная оболочка, гниющая в сердце Ничейной Земли.

Пэй Цун шагал вдоль проржавевших рельсов, ведущих внутрь.

На воротах, тронутых пятнами ржавчины, проступал едва различимый знак змеиной головы – герб одного из могущественных домов эпохи Звёздных Войн.

Внутри склада витал промозглый, тошнотворный запах гнили.

Человеческие головы плавали в колбах с питательным раствором, глазные яблоки, казалось, вот-вот выпадут из орбит. Зародыши свисали с железных крючьев, их кожа просвечивала насквозь, обнажая позвоночные столбы и сплетения сосудов. Под потолком покачивались изуродованные останки загрязнённых с недостающими конечностями.

Это была кунсткамера Виланда.

За огромными стеклянными витринами переплетались уродливые органы, сросшиеся плотью и костями. Казалось, тронь их – и ощутишь мерзкую, упругую податливость.

Всё это напомнило Пэй Цуну о другом месте.

В прошлой жизни, уже после смерти Инфу, он как-то раз тайком пробрался в его хранилище и прожил там некоторое время.

Коллекция Инфу разительно отличалась от этого места.

Если собрание Виланда напоминало бойню, вышедшую из-под контроля, то сокровищница Инфу была собранием тщательно отделанных произведений искусства.

Груды костей, отбеленных до гладкости слоновой кости, были пронумерованы и расставлены по стеклянным стеллажам из сплава — согласно виду и происхождению. В воздухе не чувствовалось ни капли крови, лишь чистый, холодный запах металла.

Пэй Цун провёл в том хранилище три месяца. Каждую ночь его преследовали слуховые галлюцинации: дыхание Инфу витало у самого уха, убаюкивая его перед сном.

Он редко предавался воспоминаниям о тех днях, но спал он тогда на удивление крепко. Словно нашёл краткий приют в телесной оболочке ещё более больного, более одержимого, ещё более безжалостного собрата по ремеслу.

Позже, когда весть о гибели Инфу разнеслась повсюду, жадные толпы ринулись растаскивать его сокровища.

Юный Пэй Цун тогда сам поджёг дом. Пламя жадно лизало стены, обугленные остовы с грохотом рушились, обращая коллекцию в пепел.

Однако кто-то давно поджидал в тени – фигура в серебристо-сером докторском халате и прозрачной маске.

Пэй Цун обвёл взглядом помещение.

— Вкус у Виланда всё так же отвратителен.

Доктор ответил с нескрываемой гордостью:

— Вы же знаете, Хозяин обожает эти артефакты.

— В Главном городе побрезговали, так Хозяин перенёс всё сюда.

Он указал на змееподобный зародыш в углу, с которого ещё не сошли кровавые подтёки, и с восхищением произнёс:

— Каждый из них - чудо, выползшее из выжженной пустоши.

Затем он перевёл взгляд на Пэй Цуна:

— Хозяин приберёт для вас особый стенд.

Пэй Цун холодно усмехнулся:

— Вот уж спасибо Виланду.

Он и так знал: и в той жизни, и в этой за гибелью Инфу стоял именно Виланд. Кто ещё обладал достаточной силой, чтобы загнать того в могилу?

Сырой воздух коллекционной, пропитанный трупным запахом, заставлял кожу на затылке неметь.

Доктор следил за Пэй Цуном сзади, его голос был ровным и неторопливым:

— Я, признаться, удивлён видеть вас снова.

Пэй Цун сделал вид, что не заметил прощупывания, и резко оборвал его:

— Сейчас же видишь?

Доктор тихо рассмеялся:

— Странно. Ведь мёртвые не воскресают.

Убийцы, посланные на задание, докладывали, что всё проверили и перепроверили: Инфу не мог остаться в живых.

Пэй Цун лениво приподнял веки:

— А твой Хозяин не говорил тебе, что я злопамятный?

Это был прозрачный намёк: он знает, кто охотился на него в прошлый раз.

Доктор и те, кто скрывался в тенях, мгновенно напряглись.

Ухмылка Пэй Цуна стала ещё язвительнее, а тон - откровенно пренебрежительным:

— Настоящий я Инфу или нет, какое тебе дело? Оставь свои проверки. То, что нужно Виланду, я могу предоставить и будучи живым.

Доктор подал знак рукой, и тени в углах замерли, затаив дыхание, не решаясь шелохнуться.

Пэй Цун прекрасно знал, что Виланд не стал бы посылать одного лишь врача, и небрежно добавил:

— Всё испытываешь? Разве вы уже не обожглись однажды?

Доктор растянул губы в улыбке и взмахом руки распахнул двери лаборатории.

Пэй Цуну велели снять куртку, отбросить оружие и лечь на холодное хирургическое ложе.

Доктор натянул белые перчатки, извлёк длинную чёрную иглу и медленно вонзил её в заднюю часть шеи Пэй Цуна, проталкивая всё глубже.

Ледяной металл вошёл в нервный центр. Боль была такой, что в глазах Пэй Цуна потемнело.

По прозрачной трубке медленно потекла странная, голубоватая генетическая жидкость, мерцающая в свете ламп и самопроизвольно извивающаяся, словно живая.

Тело Пэй Цуна напряглось. Казалось, под кожу спины заползла острая железная проволока, пытаясь вырвать кусок «живого мяса» прямо из спинного мозга.

Неудивительно, что Инфу предпочёл смерть этой пытке.

Больно было до одури.

Доктор опустил взгляд на жидкость в шприце. Его маска запотела от жаркого дыхания, и он, словно в религиозном экстазе, протянул палец, чтобы почти благоговейно коснуться трубки.

Пэй Цун с трудом приподнялся. Врач явно ввёл ему что-то ещё, лишавшее сил к сопротивлению.

Заметив его взгляд, доктор мягко улыбнулся:

— Хозяин предупреждал, что у вас дурная привычка нарушать договоры. Не волнуйтесь, ваши гены быстро поставят вас на ноги.

Чтобы Инфу не замышлял неладного, доктору было велено слегка его проучить:

— Говорят, вы недавно присмотрели себе новую игрушку. Механики нынче такая редкость... Расточительство.

Пэй Цун и бровью не повёл, будто не слышал.

— Тот парень, Чезаре, говорят, очень к вам льнёт. Тайком выведал у Крысиного Хвоста немало о ваших передвижениях.

Доктор прекрасно знал, как Инфу обхаживает свои «экспонаты». Он сделал паузу, изучая лицо Пэй Цуна в надежде найти трещинку.

Но тот остался невозмутим и лишь сухо обронил:

— Всего лишь послушный клинок. Скажи Крысиному Хвосту, чтобы прикусил язык.

Всем была известна слабость Инфу к змеям.

— Знаю, вы любите змей, — продолжал доктор. — На этот раз, смотрю, сразу двух подобрали.

Пэй Цун прищурился:

— Кстати, об этом... Как поживает твоя дочь? Слушается?

Доктор на мгновение опешил, вглядываясь в Пэй Цуна и пытаясь угадать, не кроется ли в этом вопросе скрытая угроза.

Пэй Цун, разумеется, спросил не просто так. Он помнил, что у этого врача при Виланде в прошлой жизни была очень милая дочь.

Среди всех, с кем он сталкивался за две жизни, мало у кого было потомство. Да и просто любителей живых людей было немного.

У каждого имелись свои извращения, все прожигали яркую, но короткую молодость, а потом либо погибали, либо сходили с ума.

И хотя этот доктор тоже был повёрнут на генах, на фоне остальных он казался едва ли не самым «нормальным».

Пэй Цун откинулся на холодную спинку операционного стола и с самым серьёзным видом спросил:

— Как исправлять, если провинился? Бить? Ругать? Или сразу на лекарства сажать?

Взгляд доктора застыл. Он явно не ожидал такого вопроса.

Связать «Инфу» и «воспитание» в одном предложении было решительно невозможно. Он запнулся:

— ...А?

— Домашняя змейка капризничает, — пояснил Пэй Цун.

Доктор, вспомнив, как пренебрежительно тот только что отозвался о Чезаре, мысленно приписал непослушание тому самому мальчишке с улицы и осторожно заметил:

— Этому ребёнку змеиные гены вживили постфактум. Отторжение ещё не до конца прошло, потеря контроля - обычное дело.

— Поначалу кусаются, бесятся. Потом, с помощью медикаментов, дрессировки и отрицательных стимулов, их можно постепенно приручить...

— Постфактум? — Пэй Цун удивлённо изогнул бровь. — То есть он не родился таким?

Доктор замер. Он никак не ожидал, что такой ценитель змеиных генов, как Инфу, не заметит следов генной сшивки.

Пэй Цун спросил:

— У Виланда же ещё технология не отработана, как же сшили?

В прошлой жизни Пэй Цуну начали вживлять гены только во взрослом возрасте. Тогда

технология генного сращивания Виланда только-только вставала на ноги.

А сейчас, когда временная линия сдвинута на три года назад, шансы на успех у Виланда были и вовсе ничтожны.

— С чужими змеиными генами и правда ничего не вышло бы, — медленно, словно припоминая тот эксперимент, произнёс доктор. — Но в нынешнем сращивании выбора нет. Подходит только кровный родственник. Его близкого родича сам Аманта загнал в генный конвертер.

— Человек был ещё жив, когда из него выкачали кровь и одним махом влили в тело мальчишки.

Доктор сделал жест, будто имитируя процесс «откачки».

— Пацан тогда своими глазами видел смерть «донора». Сидел напротив экспериментального стола и смотрел всё до конца, не проронив ни слова.

— Это была полноценная генетическая сшивка. Его собственную кровь выжали досуха у него на глазах, а костный мозг вогнали в его же тело.

Доктор погладил шприц, и его голос стал ещё более отстранённым.

— Самое интересное, он не спятил.

— Такие дети обычно сходят с ума мгновенно. Мы много таких перевидали.

— Эксперимент ещё далёк от совершенства. Виланд провёл лишь одну партию, и этот мальчик - единственный, кто выжил и сохранил рассудок.

Пэй Цун медленно выдохнул:

— Эксперименты на живых родственниках... Аманта - редкостная мразь.

Доктор лишь пожал плечами с усмешкой:

— Похоже, вы уже поняли, кто стоит за этим ребёнком. Аманта тоже охотится за эволюционным стабилизатором, но пока не знает, кто вы. Сейчас он, видимо, просто хочет с помощью пацана подлизаться к одному механику.

— Инфу, будьте осторожнее, разводя змей.

Пэй Цун покинул старый склад.

В прошлой жизни, едва выбравшись из радиационного омута, он сбросил того ребёнка и самого Аманту в лабораторию Виланда для генетических экспериментов. Их конец был хуже смерти.

То, что ребёнок предал его, было фактом. Остальное Пэй Цуна не волновало. Он всегда считал мальчишку всего лишь цепным псом Аманты, преданным ему до гроба.

Вот, значит, какая история скрывалась за этим.

Пэй Цун не понаслышке знал, что такое боль от генной сшивки. И теперь, узнав, что этот змеёныш - всего лишь «сшитая» змея, он почувствовал в глубине души странное, извращённое любопытство.

Похоже, преданность этого ребёнка Аманте не так уж и крепка, как он думал.

<http://bllate.org/book/14659/1611436>